

мира. Организационно работа основной части SLTU-2014 проходила по следующим секциям: «Многоязычные естественно-языковые и речевые технологии» («Multilingual spoken language technologies»), «Речевые и языковые ресурсы» («Speech and language resources»), «Распознавание речи» («Automatic speech recognition»), «Синтез речи по тексту» («Text-to-speech synthesis»), «Обработка речи» («Speech signal processing»). На семинаре были представлены исследования по основным мировым языкам и многим малоресурсным языкам Европы, Азии, Африки, Америки и Океании, включая эстонский, венгерский, румынский, албанский, баскский, мирандский, словенский, словацкий, чешский, сербохорватский, украинский, турецкий, саамский, вьетнамский, кантонский, корейский, тагальский, лаосский, бенгальский, урду, малайский, индонезийский, яванский, суданский, балийский, батакский, ибанский, кхмерский, мосо, ассамский, пушту, йоруба, африкаанс, зулу, коса, сепеди, сото, тсвана, тсонга, свати, венда, ндебели, шона, креольские языки, а также другие языки мира и их диалекты/региолекты. Практически все устные доклады вызвали у аудитории большой научный интерес, докладчикам было задано много вопросов.

Международный семинар в честь 60-летия профессора Пера Дурст-Андерсена

**«Глобальная коммуникация
в локальной перспективе: когда
мы не говорим на одном языке»**

Дина Борисовна Никуличева

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия; Московский государственный лингвистический университет, Москва, 119034, Россия
nikoulitcheva@yandex.ru

10 июня 2014 г. в Копенгагене прошел международный семинар, приуроченный к 60-летию профессора Пера Дурст-Андерсена, посвященный разработке предложенной им теории коммуникативной типологии языков мира.

Основной тезис концепции Дурст-Андерсена состоит в том, что языки подразделяются на су-
п-
р-
т-
п-
ы в зависимости от того, насколько грамматическая система того или иного из них настроена на отображение объективной реальности как одинаковой для говорящего и слушающего, либо на восприятие ситуации говорящим,

К началу мероприятия был издан печатный и электронный сборник трудов международного семинара SLTU-2014 на английском языке, включающий 40 статей участников, отобранных научным комитетом по итогам рецензирования. Труды SLTU-2014 размещены в свободном доступе в Интернете в архиве международной ассоциации ISCA: http://www.isca-speech.org/archive/sltu_2014.

По результатам проведения международного семинара SLTU-2014 следует признать, что исследования российских организаций в данной области науки в целом несколько отстают от передового международного уровня, причем отставание составляет примерно 5—8 лет. В России подобные исследования частично поддерживаются государственными фондами РФФИ и РГНФ, но их финансирование пока совершенно недостаточно в сравнении с мировой наукой в высокоразвитых странах. Однако есть уверенность, что проведение данного семинара и подобных ему международных мероприятий в России в дальнейшем поспособствует ускоренному развитию речевых технологий у нас в стране, особенно для государственных и официальных языков Российской Федерации.

International seminar on the occasion of Per Durst-Andersen's 60th birthday

**«Global communication in local
perspective — when we don't speak
the same language»**

Dina B. Nikulicheva

Institute of Linguistics, Russian Academy of Science, Moscow, 125009, Russia; Moscow State Linguistic University, Moscow, 119034, Russia
nikoulitcheva@yandex.ru

либо на восприятие ситуации слушающим. Языковой супертип предстает как определенная коммуникативная ориентация всех языковых средств конкретного языка (на говорящего, слушающего или денотативную реальность), закономерно проявляющаяся на прагматическом, семантическом, синтаксическом, морфологическом и когнитивном уровне и предопределяющая множество частных различий между конкретными языками. Публикация книги «Bag om sproget» [Durst-Andersen 2011a] (см. рецензию [Никуличева 2013]) и ее более развернутой англоязычной версии [Durst-Andersen 2011b], посвященных

рассмотрению этих проявлений на разных уровнях языковой семантики, стала значимой вехой в формировании особого направления исследований Копенгагенской лингвистической школы. Первым коллективным исследованием в этом русле можно считать коллективную монографию «Language, cognition and mentality», опубликованную в 2010 г. [Durst-Andersen (ed.) 2010].

Задача участников международного семинара состояла в том, чтобы подвергнуть теорию Дурст-Андерсена эмпирической верификации. Для этой цели докладчиками были исследованы тексты определенного функционального типа на разных языках (юридические документы, деловая корреспонденция, техническая документация, рекламные материалы, субтитрирование кинофильмов, прогнозы погоды и пр.) Языковые особенности, отмечаемые на словообразовательном, морфологическом, синтаксическом и текстовом уровне, систематизировались в плане их преимущественной ориентации на получателя языковой информации, на ее отправителя и на денотативную реальность, что позволило поставить вопрос о принадлежности анализируемого языка к тому или иному коммуникативному супертипу.

Совместный доклад Евы Скафте Енсен (Дания), Кирстен Краг и Эрлинга Струдсхольма (Дания) назывался «Дорогой Пер / Многоуважаемый профессор». Авторы сопоставляли различия в формулах обращения и подписи электронного письма во французском, итальянском, датском и шведском языках. Важным выводом стало наблюдение о том, что различие идет не по линии противопоставления романских языков германским, а обусловлено коммуникативной типологией каждого конкретного языка. Так, наиболее нюансированно диастратические отношения (социальное происхождение, образование, пол и возраст, социальная иерархия), так же как и диафасические отношения (близость — удаленность, доверительность — официальность и др.), выражаются во французском языке, проявляющем в формальном регистре признаки коммуникативной ориентации на адресата, а в неформальном — признаки ориентации на денотативную ситуацию. В итальянском языке типы обращений указывают скорее на оценку коммуникативной ситуации с точки зрения отправителя. Ориентация на получателя в датском языке проявляется в четкой зависимости выбора обращения адресата от характера подписи в его предыдущем письме.

Датско-русским грамматическим сопоставлениям были посвящены доклады трех российских исследователей: Э. Б. Крыловой (Москва), Д. Б. Никуличевой (Москва) и Е. В. Лоренцен (Дания).

В докладе Эльвиры Крыловой обсуждался специфический системный статус модальных частиц в датском языке, обусловленный ярко выраженной тенденцией датского языка к маркированию достоверности высказывания с позиции разных участников коммуникации. Рассматривая примеры типа *Vil du ikke nok hjælpe mig?* / *Vil du ikke godt hjælpe mig?* / *Kunne du dog ikke hjælpe mig?*, автор показывала, как одна и та же пропозиция, соответствующая в русском языке модальному вопросу «*Ты не мог бы мне помочь?*», получает, благодаря использованию особых модальных частиц, коммуникативно значимые смысловые нюансы.

В докладе Дины Никуличевой исследовались лингвоспецифические нюансы грамматических смыслов, передаваемые императивными формами в русском и датском языках. На материале сопоставления диалогов из датских фильмов с их переводами на русский язык анализировались такие расхождения, как значительно большее количество отрицаний и существенно меньшее количество модальных глаголов в волеизъявительных ситуациях в русском языке по сравнению с датским. Было отмечено, что использование несовершенного вида вместо совершенного (*Бросай пистолет!* vs. *Брось пистолет!*) служит для русского говорящего дополнительным средством выражения его большего волеитивного контроля над адресатом. Этой же цели служит использование индикатива в категорических высказываниях императивного характера. Ср. *Встань и выйди из класса!* и *Встал и вышел из класса!*, как если бы желаемое действие адресата уже произошло в реальности. В отличие от ориентированной на создание желаемой реальности императивной системы русского языка, датская императивная система приоритетно ориентирована на ожидаемое отношение адресата. Этой цели служат особые аналитические комплексы, образуемые сочетанием императива с определенными модальными частицами. Так, значение «*Заходи!*» выражается императивным комплексом *Kom bare ind!*, если говорящий предполагает, что сделанное предложение отвечает интересам самого адресата; *Kom lige ind!*, если говорящий не ожидает возражения со стороны адресата; *Kom nu ind!*, если говорящий ожидает колебаний со стороны адресата; и *Kom så ind!*, если говорящий ожидает возможного неподчинения адресата.

Доклад Елены Лоренцен был посвящен прагматически значимым несовпадениям использования союзов *u/uli* и *og/eller* в русском и датском языках. Сопоставляя параллельные тексты на русском и датском языках, автор установила, что весьма часто там, где в датском языке

используется разделительный союз *eller* (или), в русском используется соединительный союз *и* (*og*). Как было показано в докладе, объяснение этому парадоксальному факту кроется в первоочередной ориентации русской грамматической системы на перечисление возможностей, задаваемых объективной реальностью: *Стоянка и оставка запрещены*. То, что этому предложению в датском языке соответствует разделительный союз *eller* (*Standning eller parkering er forbudt*), объясняется первоочередной коммуникативной ориентацией датского грамматической системы на получателя информации. Ведь в конкретной ситуации речь каждый раз идет о той или иной альтернативе, актуальной в определенный момент для конкретного адресата.

Отражение коммуникативного супертипа датского и русского языков в стратегиях терминологизации рассматривалось в докладе В и к т о р а Ш м и д т а (Дания). Сравнивая такую специальную сферу лексики, как водопроводная терминология, докладчик отметил общие закономерности, характерные для датского языка как ориентированного на адресата и русского как ориентированного на отражение реальности. Если в датском языке, благодаря композитному словообразованию, задается общая категория *ledning* 'провод' и все частные случаи детализируются посредством модификации первого компонента, то в русском конкретные типы получают особое лексическое именование. Поэтому датский термин *hovedledning* (досл. «главный провод») — по отношению к ответвлению любого уровня) получает в русском языке множество конкретных соответствий в зависимости от места данного участка водопровода в общей системе: *водовод* (если это водопровод от источника воды к населенному пункту), *магистральная линия* (если это основная водопроводная линия внутри населенного пункта) и *уличная линия* (если она рассматривается по отношению к индивидуальному вводу).

Целая группа докладов из Копенгагенской высшей школы бизнеса (CBS) была посвящена сопоставлению коммуникативной типологии германских и романских языков, описываемых в терминах противопоставления «эндоцентрических» языков (где нюансирование смыслов идет за счет преимущественной семантической детализации предикатов) «экзоцентрическим» (где смысловая детализация происходит, в первую очередь, за счет семантического нюансирования аргументов).

Эта теория, разработанная в исследованиях Микаэля Херслунда [Herslund 1997; 2000; Baron, Herslund 2005] и Ирен Барон [Baron 2000; Baron, Herslund 2005], нашла убедительное применение

в докладе Ирен Барон (Дания), посвященном исследованию того, как специфика языкового видения мира в датском языке, с одной стороны, и французском и итальянском языках, с другой, отражается в национальной специфике визуальной рекламы. Исследовательница показывает, как романские языки лексически детализируют визуальную составляющую денотата, именуя различия в конфигурации денотатов особыми лексемами, тогда как германские языки пользуются либо композитной категоризацией, либо обобщающим именованием, генерализирующим общую функцию (ср. именовании транспортных средств в датском и французском: дат. *vogn, personvogn, barnevogn, hyrevogn, lastvogn* vs. франц. *voiture, landau, taxi, camion*; или единую датскую лексему для слова 'пол' *gulv* при множестве именовании различных по конфигурации денотатов: *parquet, plancher, carrelage, dallage*). Предикаты при такой лексической детализации аргументов, напротив, приобретают в экзоцентрических языках более абстрактный характер, тогда как в эндоцентрических языках, они наоборот оказываются более лексически нюансированными по способу совершения действия и/или по направлению. Ср. дат. *Per sejlede over Kanalen* 'Пер переплыл канал' и франц. *Pierre a traversé la Manche [en bateau]* 'Пер пересек канал на лодке'. Таким образом, экзоцентрический язык более ориентирован на денотативную ситуацию, «программируя», по выражению Ирен Барон, осмысление целостной ситуации в виде визуальной картины, между элементами которой устанавливаются наиболее общие взаимосвязи, тогда как эндоцентрический язык более ориентирован на получение информации, «программируя» восприятие им конкретных действий и функций вовлеченных в них актантов. В докладе было также на многочисленных примерах продемонстрировано, как указанные особенности языковой категоризации отражаются в национально-специфических особенностях рекламы: если датская визуальная реклама типично подчеркивает назначение продукта и его адресацию, то французская и итальянская реклама обычно выдвигает на первый план фантазийный контекст, вызывающий позитивные ассоциации и создающий заманчивую иллюзию реальности.

В докладе Ханны Корцен (Дания) было предложено объяснение распространенности в датском языке таких нетипичных для французского языка оборотов, как объектные предикативы. Распространенность этой конструкции объясняется эндоцентричностью датского языка, для которого типична семантическая детализация предикативных смыслов — не только по характеру и направленности конкретного действия, но и по возникающему в результате этого

действия состоянию объекта. Именно поэтому по-датски нельзя сказать **Han væltede kaffen varm* 'Он опрокинул кофе горячим', поскольку признак 'горячий' не возникает в результате действия, обозначенного глаголом *опрокинуть*, но можно сказать *Den lille stakkel grædet sit lommetørklæde helt vådt* (досл.) 'Бедняжка наплакала свой платок совсем мокрым'.

Совместный доклад Микаэля Херслунда и Йорна Корцена (Дания), выполненный на материале сравнения национальных корпусов итальянского и датского языков, исследовал проявления различий и коммуникативной типологии языков на уровне структуры текста. Для итальянского языка отмечалась значительно более высокая статистика номинализаций и пространственных определений. Тематическая прогрессия итальянских текстов в целом характеризовалась более разветвленной иерархической структурой, тогда как тематическая прогрессия датских текстов скорее носила линейный характер за счет последовательной смены предикатов. Характерные различия отмечались и в структуре анафоры. Если в датских текстах статистически преобладают «информативно легкие» анафоры (определенный артикль или указательное местоимение), то в итальянских текстах преобладают «информативно тяжелые» анафоры, выраженные различными типами лексических синонимов и парафразов.

Один и тот же тип текста может быть воспринят неадекватно, будучи переведенным на другой язык, если в языке перевода сохранить коммуникативный код исходного языка. Это было показано в докладе Метты Скоугорд-Андерсен (Дания), исследовавшей, как прогноз погоды, переведенный с датского языка, воспринимается немецкими информантами, если сохранять все присутствующие в датском оригинале эпистемические и фатические показатели. То, что в датском тексте было оправдано, с точки зрения датчан, как вовлечение адресата в процесс коммуникации, воспринималось всеми немецкими слушателями как непрофессионализм или как неуместное легкомыслие ведущего.

В заключение конференции в совместном докладе молодых исследователей Стине Бентсен и Стине Мосэкьер (Дания) обсуждались перспективы исследования того, как коммуникативный тип родного языка влияет на понимание английского языка и на общение на нем как на международном языке-посреднике.

Конференция, организованная Копенгагенской высшей школой бизнеса, стала не только научным праздником в честь одного из видных современных лингвистов, но и заявила о формировании перспективного коммуникативно-типологического направления в датской лингвистике, заслуживающего, на наш взгляд, международного интереса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Никуличева 2013 — Никуличева Д. Б. [Рец. на:] Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag, 2011 // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 136—140. [Nikulichева D. B. Review of: Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag, 2011. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 1. Pp. 136—140.]
- Baron 2000 — Baron I. Aspects lexicaux de la traduction des noms composés. *Voprosy fилологии* [= *Voprosy filologii*]. 2000. No. 3 (6). Pp. 62—68.
- Baron, Herslund 2005 — Baron I., Herslund M. Langues endocentriques et langues exocentriques. Approche typologique de danois, du francais et de l'anglais. *Le génie de la langue française. Perspectives typologiques et contrastives. Langue française*. 2005. No. 145. Pp. 35—54.
- Durst-Andersen (ed.) 2010 — Durst-Andersen P. (ed.). *Mentality and thought. North, South, East and West*. København: Copenhagen Business School Press, 2010.
- Durst-Andersen 2011a — Durst-Andersen P. *Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation*. København: Hans Reitzels Forlag, 2011.
- Durst-Andersen 2011b — Durst-Andersen P. *Linguistic supertypes. A Cognitive-semiotic theory of human communication*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012.
- Herslund 1997 — Herslund M. *Det franske sprog. Kapitel I: Grundlag*. Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 1997.
- Herslund 2000 — Herslund M. Tipologia grammaticale e tipologia lessicale. *Argomenti per una linguistica della traduzione. Gli argomenti umani 4.11-18*. Korzen I., Marello C. (eds). Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2000.